

В. А. Ильиных

ЛИЧНОЕ ПРИУСАДЕБНОЕ ХОЗЯЙСТВО РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ СИБИРИ В 1930-е гг.: ДИНАМИКА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

doi: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-144-152

УДК 94(571)“1930”

ББК 63.3(253)614

Следствием массовой коллективизации в СССР стало формирование новой модели аграрного строя. Ее организационно-производственной основой являлись колхозы. Вторым по производственному потенциалу сектором сельского хозяйства стали личные приусадебные хозяйства населения. Они являлись основными производителями молока, мясопродуктов, картофеля и овощей. В отечественной историографии исследовались лишь личные хозяйства колхозников. Динамика личных хозяйств рабочих и служащих не изучена. В статье впервые в историографии осуществляется выявление основных факторов и тенденций развития личных хозяйств рабочих и служащих Сибири в 1930-е гг. Установлено, что в начале 1930-х гг. размеры личных хозяйств данной категории населения были минимальными. Работникам совхозов ведение личного хозяйства запрещалось, а личные приусадебные хозяйства остальных категорий рабочих и служащих облагались налогами по ставкам единоличников. После массового голода 1932–1933 гг. ряд ограничений на развитие личных хозяйств сняли. Снизился уровень налогообложения. Либерализация государственной политики и увеличение доли рабочих и служащих в населении привели к быстрому наращиванию производственного потенциала их личных хозяйств. Темпы развития хозяйства рабочих и служащих были выше, чем у колхозников. В конце 1930-х гг. была проведена кампания по ограничению размеров личных хозяйств. Их нормативные размеры для рабочих и служащих уменьшились. Налогово-податное обложение выросло. Это привело к спаду в личном секторе аграрной экономики.

Ключевые слова: *аграрная политика, коллективизация, сельское хозяйство, личные приусадебные хозяйства, рабочие и служащие, Сибирь*

В 1930-е гг. в СССР произошли радикальные изменения в организационно-производственной структуре сельского хозяйства. Организационной основой новой модели аграрного строя были колхозы. Вторым по производственному потенциалу сектором сельского хозяйства стали личные приусадебные хозяйства населения (ЛПХ). По расчетам М. А. Безнина и Т. М. Димони, в 1941 г. в СССР доля личных хозяйств колхозников в валовой продукции сельского хозяйства составляла 16 % (колхозов — 70 %, госхозов — 10 %).¹ ЛПХ являлись основными производителями молока, мясопродуктов, картофеля и овощей.²

В отечественной историографии применительно к указанному периоду исследователь-

ский интерес фактически ограничивался личными хозяйствами колхозников.³ В то же время ЛПХ имели не только члены колхозов, но также проживающие в сельской местности рабочие государственных сельскохозяйственных (в том числе совхозов) и других предприятий и учреждений, служащие, включая сельскую интеллигенцию, а также горожане. Внимание на личное хозяйство рабочих и служащих обратил лишь М. Н. Денисевич, который в своей монографии привел фрагментарные сведения об их развитии на Урале в 1930-е гг.⁴ Кроме того, генезис землепользования работников совхозов и горожан проанализировала Л. Н. Мазур.⁵

Объект исследования настоящей работы — личный сектор (уклад) аграрной экономики,

¹ См.: Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М., 2014. С. 75.

² В СССР в 1938 г. доля личного сектора сельской экономики в общей площади посадок картофеля составляла 49 %, овощей — 46 %, в общем поголовье крупного рогатого скота (КРС) — 61 %, коров — 73 %, свиней — 62 %, овец и коз — 52 %. Удельный вес колхозов равнялся 44 %, 46 %, 29 %, 19 %, 24 % и 34 % соответственно (Посевные площади СССР в 1938 г.: стат. справ. М.; Л., 1939. С. 22; Животноводство СССР за 1916–1938 гг.: статистический сборник. М.; Л., 1940. С. 108).

³ См.: История советского крестьянства. М., 1986. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. С. 266, 322–342, 378; История советского крестьянства. М., 1987. Т. 3. С. 21–24, 108, 109; Ильиных В. А. Личное хозяйство колхозников в 1930-е — конце 1950-х гг. // Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х — 1980-е гг. Новосибирск, 2001. С. 53–61; и др.

⁴ См.: Денисевич М. Н. Индивидуальные хозяйства на Урале. 1930–1985 гг. Екатеринбург, 1991. С. 71, 72.

⁵ См.: Мазур Л. Н. Приусадебное землепользование колхозников, работников совхозов и горожан в 1930–1980-е годы (по материалам Урала) // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты). Материалы XXVIII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003. С. 369–371.

предмет — личные хозяйства рабочих и служащих, которые составляют часть личного сектора. Географические рамки исследования включают один из основных сельскохозяйственных регионов страны — Сибирь, которая, в свою очередь, делится на два крупных макрорегиона — Западную и Восточную Сибирь, имеющих специфику аграрных отношений.⁶ Задачей статьи является выявление основных факторов и тенденций развития личных хозяйств рабочих и служащих в Сибири в 1930-е гг.

Формулировка объекта, предмета и задач анализа требует дефиниции ряда базовых понятий. Общественный уклад — это воспроизводящая система общественных отношений в рамках конкретного типа хозяйственно-экономической деятельности человека, включающего производственные отношения во взаимосвязи с производительными силами. В 1930-е гг. в аграрной сфере функционировало четыре хозяйственных уклада: колхозный, государственный (совхозный), личный и индивидуальный крестьянский (единоличный). Выделенным укладам соответствуют одноименные сектора аграрной экономики. Уклад охватывает различные сферы общественной жизни (экономическую, социальную, семейно-бытовую), под сектором понимается лишь экономическая составляющая уклада. Личное подсобное (приусадебное) хозяйство — вид аграрных занятий населения, заключается в содержании сельскохозяйственных животных на личном подворье и/или выращивании картофеля, овощей, плодов и ягод на приусадебном участке. Продукция, произведенная в приусадебном хозяйстве рабочих и служащих, преимущественно предназначалась для личного потребления, а само хозяйство как источник дохода, как правило, имело подсобное значение. Для колхозников в 1930-х — первой половине 1950-х гг. личное хозяйство являлось не подсобным, а основным источником доходов.

Интегральными показателями развития приусадебного хозяйства являются площади посадок сельхозкультур и численность основных видов скота. Они дают возможность

определить динамику сельскохозяйственного производства в исследуемом секторе аграрной экономики, тем более что репрезентативные статистические материалы об объемах производства отдельных видов продукции в ЛПХ населения в 1930-е гг. отсутствуют.

Совокупная доля рабочих и служащих в составе сельского населения постоянно росла. В конце 1920-х гг. удельный вес данных групп населения среди сельских жителей Сибири составлял около 5 %, в 1935 г. — около 15 %, в 1939 г. — 35 %.⁷ Еще более быстрыми темпами увеличивалась численность городского населения.

Базовым источником работы, как и в большинстве аграрно-экономических исследований, выступают опубликованные и неопубликованные материалы массовых общегосударственных статистических обследований сельского хозяйства. В 1930-е гг. проводились сплошные учеты сельскохозяйственных животных и посевных площадей, а также переписи скота. При их обработке и подсчете итоговых показателей специалисты органов народно-хозяйственного учета использовали единые методики, вносили установленные по результатам контрольных мероприятий поправки на недоучет, учитывали изменения административно-территориальных границ, которые в изучаемый период имели перманентный характер. Наиболее полные и репрезентативные итоги обработки результатов массового мониторинга опубликованы в статистических сборниках Центрального управления народно-хозяйственного учета Госплана СССР (ЦУНХУ), а также находятся в фонде ЦСУ Российского государственного архива экономики (РГАЭ). Материалы по теме исследования, отложившиеся в региональных архивах, как правило, фрагментарны и не репрезентативны. Построение сопоставимых динамических рядов развития личных хозяйств на их основе невозможно.

В доколхозный период основными производителями сельхозпродукции являлись крестьяне. В незначительных размерах сельское хозяйство вела часть проживавших в сельской местности рабочих и служащих, а также городских жителей, владевших домами усадебного типа.

Большевистские теоретики воспринимали приусадебное хозяйство как пережиток предшествующих формаций, который, как и

⁶ В тексте статьи, включая таблицы, количественные данные о поголовье скота и посевных площадях, кроме особо оговоренных случаев, за 1933, 1935 и 1938 гг. приведены по Алтайскому краю, Новосибирской и Омской областям (Западная Сибирь), Бурят-Монгольской АССР, Красноярскому краю, Иркутской и Читинской областям (Восточная Сибирь) в границах 1938 г.; данные за 1940 г. — по Алтайскому краю, Кемеровской, Новосибирской, Омской и Томской областям (Западная Сибирь), Бурят-Монгольской АССР, Красноярскому краю, Иркутской и Читинской областям (Восточная Сибирь) в послевоенных границах.

⁷ См.: Ильиных В. А. Сибирское крестьянство в 1930-е гг.: социальная мобильность, стратификация // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск, 2015. Вып. 3. С. 127.

крестьянское хозяйство, должен сойти с исторической арены в ходе социалистической реконструкции. Сельхозпродукция после ее завершения должна была производиться исключительно на социалистических предприятиях в объемах, достаточных для полного удовлетворения потребностей городского и сельского населения. В рамках кратковременного переходного периода небольшое подсобное хозяйство могли иметь только члены сельхозартелей.⁸

Переходный период затянулся. Основными производителями сельхозпродукции в начале 1930-х гг. стали колхозы и совхозы. Единоличное крестьянское хозяйство хотя и уменьшило свой потенциал, но продолжало производить значимые объемы сельхозпродукции. В официальных статистических источниках колхозы и единоличные хозяйства составляли колхозно-крестьянский сектор сельского хозяйства. Необобществленная часть имущества вступивших в колхозы крестьян стала основой нового сектора аграрной экономики — личного. В данный сектор фактически входили и приусадебные хозяйства рабочих и служащих. Однако официальная статистика эту часть ЛПХ «не замечала». Отчасти это было связано с идеологическими шорами, отчасти с небольшими совокупными размерами личных хозяйств рабочих и служащих.

В начале 1930-х гг. в качестве основного источника получения информации о посевных площадях и поголовье скота в индивидуальных хозяйствах использовался учет, проводившийся налоговыми органами в июне каждого года. При этом в соответствии с законодательством плательщики сельхозналога в учетных ведомостях разделялись только на две категории: на колхозников, имеющих так называемые необщественные объекты обложения, и единоличников. Органы народно-хозяйственного учета в этот период при публикации обработанных материалов налогового учета включали данные об ЛПХ рабочих и служащих и сведения о единоличных крестьянских хозяйствах. Частичным исключением стали материалы проведенной ЦУНХУ Всесоюзной переписи скота по состоянию на 1 февраля 1932 г. В ее ходе отдельно учитывался скот, принадлежав-

ший индивидуальным владельцам в городах. Применительно к сельской местности скот рабочих и служащих в материалах переписи по-прежнему объединялся с единоличным.⁹

Следствием форсированной коллективизации стало падение производительных сил сельского хозяйства, особенно глубокое в животноводстве. Поголовье лошадей на территории Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев в 1932 г. уменьшилось по сравнению с 1929 г. в 2 раза, КРС — в 2,1, овец и коз — в 3,4, свиней — в 3,3 раза. Общее сокращение посевных площадей в регионе составило 13 %.¹⁰

Сопоставимых сведений о динамике развития ЛПХ рабочих и служащих в начале 1930-х гг. нами не выявлено. Однако об общих тенденциях их развития можно судить по следующим данным. В конце весны 1928 г. в уплачивавших сельхозналог индивидуальных хозяйствах жителей городов, впоследствии вошедших в состав Алтайского края, содержалось 15,2 тыс. лошадей, 20,5 тыс. голов КРС (в том числе 10,9 тыс. коров), 31,2 тыс. овец и коз, 4,5 тыс. свиней.¹¹ По данным июньского учета скота 1933 г., на территории будущего Алтайского края численность указанных видов скота, принадлежавшего индивидуальным владельцам в городских поселениях, составляла соответственно 2,9, 10,5, 10, 0,9 и 0,3 тыс. голов.¹²

Можно с полным основанием утверждать, что поголовье скота в ЛПХ рабочих и служащих, проживавших в сельской местности, в начале 1930-х гг. также значительно снизилось. Многие из них вступили в колхозы и «обобществили» большую часть своего имущества. Часть скота была сдана в счет выполнения планов мясопоставок, которые разверстывались на всех владельцев скота, часть была забита для собственного потребления в связи с ухудшением продовольственного положения. Катастрофическая засуха 1931 г. на юго-западе Сибири осложнила кормовую проблему и стала причиной сверхнормативного снижения стада в недородных районах. Сведений о динамике посевных площадей в ЛПХ рабочих и служащих в начале 1930-х гг. выявить не удалось. По нашей оценке, приусадебное

⁸ Принятое ВЦИК 14 февраля 1919 г. «Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» гласило: «...никто из рабочих и служащих [совхозов] не имеет права заводить в хозяйствах собственных животных, птиц и огороды» (СУ РСФСР. 1919. № 4. Ст. 43).

⁹ См.: Итоги переписи скота на 1 февраля 1932 года. М., 1932. Вып. 2.

¹⁰ См.: Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск, 2012. С. 81.

¹¹ См.: Итоги 10 % выборочного обследования отдельных хозяйств в 1928 году по Сибирскому краю. Новосибирск, 1929. С. 5, 7, 9, 11.

¹² См.: Животноводство СССР за 1916–1938 гг. С. 120.

растениеводство было более устойчивым, чем животноводство. Акции по сокращению размеров усадебных участков не предпринималось. Более того, власти ряда городов стимулировали развитие так называемого самодельного огородничества.

Следствием глубокого сельскохозяйственного кризиса стал голод, который затронул не только колхозников, но и рабочих и служащих. Для того чтобы исправить ситуацию, лидеры большевистского режима сделали ставку на определенное расширение размеров ЛПХ. Позиция властей кардинально изменилась даже в отношении личного хозяйства работников совхозов. В соответствии с директивой коллегии Наркомата совхозов от 29 октября 1932 г., директорам хозяйств надлежало «не только не препятствовать работникам зерновых и животноводческих совхозов иметь в личном пользовании коров, мелкий скот и птицу, но и оказывать всяческое содействие в разведении и содержании их (отведение пастбищ, сенокосов, предоставление орудий для обработки, предоставление погребов для засолки)». Также указывалось на необходимость «немедленно отвести специальные приусадебные земельные участки, в которых предоставить возможность рабочим самим застраиваться и около застроек отвести огородную землю».¹³ 22 декабря 1933 г. СНК СССР предложил Наркомату совхозов «выделить для постоянных семейных рабочих и специалистов зерновых совхозов площади под индивидуальные огороды в размере не свыше 1/4 га на семью».¹⁴

В 1932 г. по инициативе профсоюзных организаций городских предприятий и учреждений в Сибири началась массовая организация дачно-огородных кооперативов. В 1933 г. постоянные дачно-огородные участки в городах Западно-Сибирского края имели 62,3 тыс. рабочих семей. В Кемерово в этом году индивидуальные огороды имели 44 % рабочих и служащих, в Прокопьевске — 31 %, в Омске — 22 %.¹⁵

25 декабря 1933 г. СНК СССР принял постановление «О развитии индивидуального рабочего огородничества», обязавшее райисполкомы и горсоветы «отводить для рабочих, желающих обрабатывать личным трудом огороды, ... участки земли под огороды размером

от 1/3 до 1/4 га». При этом рабочие, «имеющие участки, занятые посевами, в городских и сельских местностях», освобождались от уплаты сельхозналога и обязательных поставок государству овощей и картофеля.¹⁶

В утвержденном 25 мая 1933 г. ЦИК и СНК СССР «Положении о сельскохозяйственном налоге на 1933 г.»¹⁷ появилась новелла, фактически обозначившая максимально допустимые размеры ЛПХ не членом колхозов: «Не привлекаются к обложению сельскохозяйственным налогом рабочие и служащие, ведущие сельское хозяйство на приусадебной земле и имеющие не более одной коровы, мелкий скот и сенокосы».¹⁸ В «Положении о сельскохозяйственном налоге на 1934 г.» было внесено важное уточнение. В ЛПХ рабочих и служащих не должно было быть рабочего скота и полевого посева. В противном случае они облагались налогом как единоличники.¹⁹

В 1936 г. предельные размеры ЛПХ рабочих и служащих были увеличены до нормативов, предусмотренных для колхозников данного района.²⁰ При этом следует иметь в виду, что в 1935 г. был принят новый Устав сельскохозяйственной артели, в котором устанавливались более высокие, чем в Уставе 1930 г. нормы содержания членами колхозов скота и их наделения приусадебной землей.²¹

С 1933 г. началось интенсивное наращивание производственного потенциала ЛПХ рабочих и служащих. Данный тренд оказал влияние на официальную статистику. В первую очередь внимание органов народно-хозяйственного учета привлекло животноводство данной категории владельцев скота. Начиная с летнего учета скота 1933 г., в СССР отдельно учитывалось поголовье у индивидуальных владельцев в городах, с летнего учета 1934 г. — в большинстве регионов страны — у рабочих и служащих сельской местности.²² С 1935 г. помимо летнего учета скота²³ органами ЦУНХУ стали проводиться ежегодные Всесоюзные

¹³ ГАНО. Ф. Р-366. Оп. 1. Д. 36. Л. 17.

¹⁴ СЗ СССР. 1933. № 74. Ст. 453.

¹⁵ См.: Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 102.

¹⁶ Известия. 1933. 26 дек.

¹⁷ СЗ СССР. 1933. № 32. Ст. 1886.

¹⁸ В принятом в начале марта 1930 г. Примерном уставе сельскохозяйственной артели в индивидуальном пользовании колхозников рекомендовалось оставлять приусадебные земли (огороды, сады и т. п.), одну корову и «некоторое» количество мелкого продуктивного скота (Там же. 1930. № 24. Ст. 255).

¹⁹ См.: Там же. 1934. № 30. Ст. 2316.

²⁰ См.: Там же. 1936. № 40. Ст. 340.

²¹ См.: Ильиных В. А. Личное хозяйство колхозников... С. 56, 57.

²² См.: Численность скота в СССР. Окончательные итоги июньского учета скота 1934 года. М., 1934.

²³ Июньский учет скота проводился в СССР до 1936 г. включительно.

Таблица 1

ПОСЕВНЫЕ ПЛОЩАДИ В ЛИЧНЫХ ХОЗЯЙСТВАХ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ СИБИРИ
в 1935–1940 гг., тыс. га

	Весь посев	В том числе		
		Зерновые культуры	Картофель	Овощи
По данным учета 1935 г.				
Городские поселения	33,2	0,7	28,5	3,8
Сельская местность	42,3	14,1	24	3,6
Итого	75,5	14,8	52,5	7,4
По данным учета 1938 г.				
В городской и сельской местности	98,2	6,2	81,6	8,5
По данным учета 1940 г.				
В городской и сельской местности	96	—	87	8

Источники: Посевные площади СССР: итоги учета посевных площадей летом 1935 года. М., 1936. С. 27, 28, 77, 82; Посевные площади СССР в 1938 г.: стат. справ. М.; Л., 1939. С. 41, 43, 93, 121, 126; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 297, 301, 302, 305, 306.

переписи скота (по состоянию на 1 января),²⁴ которые также фиксировали скот, принадлежавший рабочим и служащим как в городах, так и на селе. Применительно к Сибири скот у проживавших на селе рабочих и служащих впервые был отдельно учтен в рамках переписи скота 1935 г.²⁵ Посевы у рабочих и служащих стали фиксироваться, начиная с проведенного органами ЦУНХУ учета 1935 г.²⁶

Сведения о динамике и структуре посевов в ЛПХ рабочих и служащих Сибири в 1935–1938 гг. приведены в табл. 1. В 1935 г. рабочие и служащие региона засеяли 75,5 тыс. га, в 1938 г. на 30 % больше (98,2 тыс. га). Прирост посевных площадей за эти годы в ЛПХ колхозников составил 40 %. Удельный вес личных хозяйств исследуемой категории населения в общей площади посева был ничтожным: в 1935 г. — 0,6 %, в 1938 г. — 0,7 %.²⁷ В то же время их вклад в производство картофеля и овощей был более заметным. В 1935 г. в Сибири на их долю приходилось 11,2 % посадок картофеля и 8 % овощей.²⁸

Абсолютно преобладающей культурой в хозяйствах рабочих и служащих являлся картофель. В 1935 г. в Сибири он занимал 69,5 % общей площади посадок. Далее следовали зерновые и овощи (19,6 % и 9,8 % соответственно). Остальные культуры (технические, кормовые и др.) были представлены незначительно. Не-

которые категории проживавших в сельской местности рабочих и служащих (лесники, путевые объездчики и т. п.) фактически вели небольшие крестьянские хозяйства. Этим объясняется относительно высокий удельный вес посевов зерновых у данной группы хозяйств в целом. На приусадебных участках жителей городов края доля картофеля составляла 85,8 %, овощей — 11,4 % зерновых — 2,1 %, в личных хозяйствах рабочих и служащих, проживавших в сельской местности, — 56,7 %, 8,5 % и 33,3 % соответственно (табл. 1).

Зерновые культуры размещались, как правило, не на приусадебном участке, а в поле. Наличие полевого посева являлось основанием для причисления хозяйства к единоличникам. В связи с этим посевы зерновых в ЛПХ рабочих и служащих имели тенденцию к сокращению. В 1938 г. в Сибири они сократились по сравнению с 1935 г. в 2,4 раза. Посадки картофеля за это время увеличились на 55,4 %, овощей — на 14,9 %. Соответственно изменилась структура посева. Зерновые занимали 6,3 % посевных площадей, картофель — 83,1 %, овощи — 8,7 %. Удельный вес ЛПХ данной категории населения в 1938 г. в Сибири в общей площади посадок картофеля составлял 16,9 %, овощей — 12,1 % (табл. 1).²⁹

Сведения о динамике животноводства в личных хозяйствах рабочих и служащих Сибири в 1933–1937 гг. приведены в табл. 2. С июля 1933 г. по июль 1935 г. в ЛПХ городских жителей поголовье КРС увеличилось в 2,8 раза, коров — в 2,1, свиней — в 9, овец и коз — в 3 раза, с января 1935 г. по январь 1938 г. — в 1,9, 1,8,

²⁴ В 1939 г. перепись скота в СССР не проводилась.

²⁵ См.: Животноводство СССР за 1916–1938 гг.

²⁶ См.: Посевные площади СССР: итоги учета посевных площадей летом 1935 года. М., 1936.

²⁷ Доля личного сектора аграрной экономики Сибири в целом в общей площади посева в 1935 г. составляла 2,3 %, в 1938 г. — 2,7 % (Посевные площади СССР: итоги учета... С. 27; Посевные площади СССР в 1938 г. С. 41).

²⁸ В 1935 г. доля ЛПХ колхозников в посадках картофеля в Сибири составляла 32,4 %, овощей — 29,8 % (Посевные площади СССР: итоги учета... С. 77, 82).

²⁹ В 1938 г. в Сибири доля ЛПХ колхозников в посадках картофеля составляла 45,5 %, овощей — 41,4 % (Посевные площади СССР в 1938 г. С. 121, 126).

Таблица 2

**Поголовье скота в личных хозяйствах рабочих и служащих Сибири
в 1933–1940 гг., тыс. голов**

	Лошадей	Крупного рогатого скота	В том числе коров	Овец и коз	Свиней
<i>По данным июньского учета 1933 г.</i>					
В городских поселениях	29,7	86,3	80,2	9,5	6,2
<i>По данным июньского учета 1935 г.</i>					
В городских поселениях	34,1	243,2	168	28,2	55,7
<i>По данным переписи на 1 января 1935 г.</i>					
В городских поселениях	37,4	142,9	112,7	32,9	69,5
В сельской местности	59,2	266,9	140,6	67,3	101,7
Итого	96,6	409,8	253,3	100,2	171,2
<i>По данным переписи на 1 января 1938 г.</i>					
В городских поселениях	41,2	276,6	205,9	58,4	109,6
В сельской местности	51,1	649,9	373	266,8	175,7
Итого	92,3	926,5	578,9	325,2	285,3
<i>По данным переписи на 1 января 1941 г.</i>					
В городских поселениях	—	261	213	73	79
В сельской местности	—	551	365	315	85
Итого	—	812	578	388	164

Источники: Животноводство СССР за 1916–1938 гг.: стат. сб. М.; Л., 1940. С. 120, 122, 131, 139, 140, 153, 157; Численность скота в СССР: стат. сб. М., 1957. С. 178, 185, 193, 199, 213, 220, 227, 234.

1,6 и 1,8 раза соответственно; с января 1935 г. по январь 1938 г. в ЛПХ рабочих и служащих, проживавших в сельской местности, — в 2,4, 2,7, 1,7 и 4 раза. На 1 января 1938 г. в личных хозяйствах рабочих и служащих в целом КРС содержалось на 126 %, коров — на 129 %, свиней — на 67 %, овец и коз — на 225 % больше, чем на 1 января 1935 г. В 1935 г. никакого скота не имел 51 % дворохозяйств рабочих и служащих сельской местности Сибири, в 1938 г. доля таковых снизилась до 39 %.³⁰ Аналогичные данные по городам не выявлены.

Поголовье продуктивного скота в личных хозяйствах рабочих и служащих наращивалось более высокими темпами, чем у колхозников и в колхозах. В 1935–1937 гг. в Сибири численность КРС в приусадебных хозяйствах членов колхозов увеличилась на 52,6 % (в том числе коров — на 32,3 %), овец и коз — на 102 %, свиней — на 48,5 %, в колхозах — на 38,9 %, 27,7 %, 62,9 % и 41 % соответственно.³¹

В 1935–1937 гг. увеличивалась не только численность скота в ЛПХ рабочих и служащих, но и доля данной категории хозяйств в общем поголовье скота. На 1 января 1935 г. в поголовье КРС она составляла 8 %, коров — 11,4 %,

овец и коз — 2 %, свиней — 7,2 %, на 1 января 1938 г. — 14 %, 20,1 %, 4 % и 12,3 % соответственно. В начале 1938 г. в личных хозяйствах рабочих и служащих Сибири КРС, коров и свиней содержалось больше, чем в государственном секторе аграрной экономики.³²

Рост производственного потенциала приусадебных хозяйств данной категории населения являлся одним из существенных факторов улучшения их продовольственного обеспечения.

Высокие темпы наращивания продуктивного животноводства в ЛПХ рабочих и служащих объясняются значительным увеличением численности данной категории населения (см. выше). Следует также отметить, что большая часть приусадебных хозяйств рабочих и служащих в середине 1930-х гг. была освобождена от уплаты сельхозналога и обязательных поставок сельхозпродуктов государству.

Продуктивного скота рабочие и служащие содержали меньше, чем колхозники, а лошадей, напротив, значительно больше. В начале 1938 г. в Сибири в ЛПХ членов колхозов их было в 4,2 раза меньше, чем в хозяйствах рабочих и служащих.³³ В сельской местности

³⁰ См.: Численность скота в СССР: итоги июньского учета скота 1935 года. М., 1935. С. 694, 698.

³¹ См.: Животноводство СССР за 1916–1938 гг. С. 120, 122, 131, 139, 140, 153, 157.

³² На 1 января 1938 г. доля ЛПХ колхозников в поголовье КРС составляла 34,6 %, коров — 38,2 %, овец и коз — 35,2 %, свиней — 45,9 %, колхозов — 40,1 %, 31,7 %, 48,6 % и 29,2 %; совхозов — 10,1 %, 8,7 %, 11,4 % и 11,2 % соответственно (там же).

³³ См.: Там же.

объездчикам и лесникам в силу служебной необходимости разрешалось иметь рабочих лошадей.

Личный сектор сельской экономики в целом по стране и в большинстве ее регионов, включая Сибирь, развивался более высокими темпами, чем социалистический. Колхозы и совхозы не выполнили поставленной перед ними задачи — удвоить производство сельхозпродукции в течение второй пятилетки. Официальных причин неудач было названо много. В их числе — отвлечение значительных трудовых ресурсов в ЛПХ. Действительно, колхозники предпочитали крайне низкооплачиваемой работе на колхозных полях и фермах труд на своих личных подворьях, который не только являлся более стабильным источником дохода, но и позволял выжить в голодные годы. При этом они далеко не всегда ограничивали свое ЛПХ предельными нормами устава сельхозартели, превышая их по количеству скота и размерам приусадебного участка. Подобное положение вызывало негативную реакцию государства.

В конце 1938 г. началась кампания по ограничению размеров ЛПХ членов колхозов. Руководство страны потребовало от местных органов власти в кратчайшие сроки ликвидировать нарушения Устава сельхозартели по приусадебным участкам и количеству скота. Выявленные «излишки» земли и скота подлежали передаче колхозам.³⁴

Внимание властей не ограничивалось лишь ЛПХ колхозников. В сентябре 1938 г. СНК СССР установил предельные нормы содержания скота у семей работников совхозов — не более «одной коровы и теленка до 4 месяцев или одной козы (вместо коровы) с приплодом не старше одного года» и «одной свиньи для откорма».³⁵ Для остальных категорий рабочих и служащих продолжала действовать введенная в 1936 г. норма, согласно которой их хозяйства не облагались сельхозналогом, если их размеры не превышали нормы, предусмотренные Уставом сельхозартели для колхозников данного района.

В июле 1939 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление, лимитирующее размеры приусадебных участков проживающих в сельской местности «рабочих и служащих, сель-

ских учителей, агрономов и других не членов колхозов» 0,15 га, включая площадь, занятую постройками, и требующее отрезки выявленных «излишков».³⁶ В Новосибирской области в ходе проведенного в течение лета 1939 г. обмера таковые были выявлены у 41 % проживавших в сельской местности рабочих и служащих.³⁷

Значительно более действенной мерой ограничения ЛПХ стало налогообложение. В августе 1938 г. Верховный Совет СССР ввел тяжелый для абсолютного большинства плательщиков «государственный налог на лошадей единоличных хозяйств».³⁸ Под его действие попадали не только единоличники, но и другие категории населения. Налог вызвал многократное снижение поголовья рабочего скота в личном секторе экономики. В Новосибирской области численность лошадей за 1938–1939 гг. в хозяйствах рабочих и служащих сократилась в 5,2 раза.³⁹

С 1939 г. рабочие и служащие, проживавшие в деревне и имевшие подсобное хозяйство, стали привлекаться к уплате сельхозналога. Наличие скота в хозяйстве являлось основанием для его привлечения к госпоставкам мяса и молока. По нормам колхозных дворов рабочие и служащие облагались налогом и поставками только в том случае, если поголовье скота в их хозяйствах не превышало лимитов, предусмотренных Уставом сельхозартели для колхозников соответствующего района. Если количество сельскохозяйственных животных в хозяйстве превышало уставные размеры, то оно привлекалось к поставкам по нормам единоличных хозяйств. ЛПХ жителей городов и рабочих поселков облагались поставками мяса и молока как единоличники, если имели больше одной коровы, телки до года и свиноматки. С 1940 г. к госпоставкам зерновых, маслосемян и картофеля привлекались рабочие и служащие, проживавшие в деревне и имевшие посевы данных культур на приусадебном участке. Полевой посев облагался по нормам единоличников.⁴⁰

Цели, которые ставило перед собой советское руководство, начиная кампанию по ограничению размеров ЛПХ, были достигнуты. Ограничительные меры и рост тяжести

³⁴ См.: Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. С. 151, 152.

³⁵ СП СССР. 1938. № 45. Ст. 268.

³⁶ Там же. 1939. № 47. Ст. 362.

³⁷ См.: Политика раскрестьянивания в Сибири. С. 204.

³⁸ Ведомости Верховного Совета СССР. 1938. № 11.

³⁹ См.: Итоги переписи скота и состояние животноводства в Новосибирской области на 1 января 1940 г. Новосибирск, 1940. С. 69.

⁴⁰ См.: Политика раскрестьянивания в Сибири. С. 204.

налогообложения вынуждали владельцев приусадебных хозяйств сокращать их размеры. Поступательное развитие личного сектора сельской экономики было фактически остановлено. Негативное влияние политики государства на производственный потенциал ЛПХ рабочих и служащих частично компенсировало увеличение численности данной категории населения. Количество хозяйств, ведущих личное хозяйство, продолжало расти, хотя средние размеры ЛПХ снижались.

В личных хозяйствах рабочих и служащих Восточной Сибири за 1938–1940 г. поголовье КРС и свиней снизилось на 6,5 % и 20,3 %, а мелкого рогатого скота и коров увеличилось на 22,3 % и 2,7 %. На территории Западной Сибири за это время КРС и свиней стало на 14,2 % и 54,5 % меньше, мелкого рогатого скота и коров на 18,4 % и 1,6 % больше.⁴¹ На 1 января 1941 г. в Сибири доля ЛПХ рабочих и служащих в общем поголовье КРС составляла 13,2 %, коров — 20,2 %, овец и коз — 3,9 %, свиней — 9 %.⁴²

Большие потери в хозяйствах исследуемой категории в Западной Сибири связаны с катастрофическим недородом 1940 г., который негативно повлиял на кормовую базу. В условиях нехватки кормов и утяжеления налогового пресса владельцы ЛПХ прибегали к традиционным стратегиям развития приусадебного животноводства. В первую очередь забивался молодняк КРС и свиньи. С кормилицей семьи коровой расставались лишь в крайнем случае. Устойчивость стада мелкого рогатого скота связана с его меньшей кормозатратностью. Кроме того, овцам и козам скармливались более засухоустойчивые травы.

Общая площадь посева в ЛПХ рабочих и служащих в конце 1930-х гг. изменилась незначительно. В 1940 г. в Западной Сибири она уменьшилась по сравнению с 1938 г. на 3,7 %, в Восточной Сибири увеличилась на 3 %.

При этом посадки картофеля в указанных регионах за это время выросли на 5,7 % и 11 % соответственно. Площадь посадок овощей в Западной Сибири снизилась на 8,5 %, в Восточной Сибири — осталась неизменной.⁴³ В Сибири в целом доля картофеля в общей площади посева ЛПХ рабочих и служащих в 1940 г. составляла 90,6 %, овощей — 8,3 %.⁴⁴ Доля остальных культур, в том числе зерновых, была минимальной. Удельный вес личных хозяйств рабочих и служащих в общей площади посадок картофеля в регионе составлял 19,1 %, овощей — 10,9 %.⁴⁵

Снижение производственного потенциала личного сектора экономики негативно сказалось на продовольственном обеспечении рабочих и служащих. Колхозы и совхозы компенсировать потери не смогли. Продолжившийся в первые годы Великой Отечественной войны спад в личном секторе аграрной экономики Сибири в 1943 г. сменился подъемом. При этом темпы наращивания производственного потенциала в ЛПХ рабочих и служащих были выше, чем у колхозников. В послевоенный период данная тенденция осталась неизменной. Основным фактором относительного увеличения доли ЛПХ рабочих и служащих оставался рост численности данной категории населения. Совхозизация окончательно превратила ЛПХ рабочих и служащих в ведущий сегмент личного сектора.

Личные хозяйства населения, которые в начале 1930-х гг. казались экспертам пережитком и временным дефектом социалистической реконструкции деревни, показали свою устойчивость и в постсоветский период. В настоящее время они остаются вторым по производственному потенциалу сектором сельского хозяйства, существенно опережая крестьянские (фермерские) хозяйства.

⁴¹ Снижение поголовья продуктивного скота на личных подворьях колхозников было более масштабным, чем у рабочих и служащих. За 1938–1940 гг. в ЛПХ членов колхозов Восточной Сибири поголовье КРС и свиней снизилось на 15,5 % и 24,2 %, коров осталось фактически неизменным, а мелкого рогатого скота увеличилось на 1 %. На территории Западной Сибири свиней за это время стало на 47 %, КРС — на 28,6 %, коров — на 5,7 %, овец и коз — на 4,4 % меньше (Животноводство СССР за 1916–1938 гг. С. 120, 122, 131, 139, 140, 153, 157; Численность скота в СССР: стат. сб. М., 1957. С. 178, 185, 193, 199, 213, 220, 227, 234).

⁴² См.: Животноводство СССР за 1916–1938 гг. С. 120, 122, 131, 139, 140, 153, 157. На 1 января 1938 г. доля ЛПХ колхозников в общем поголовье КРС в Сибири составляла 28,4 % (в том числе коров — 36,1 %), овец и коз — 27,2 %, свиней — 35,7 %, колхозов — 47,7 %, 35,5 %, 57,4 % и 40,5 %; совхозов — 8,4 %, 7,5 %, 7,1 % и 13,5 % соответственно (Численность скота в СССР. С. 178, 185, 193, 199, 213, 220, 227, 234).

⁴³ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 297, 301, 302, 305, 306.

⁴⁴ Рассчитано по табл. 1.

⁴⁵ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 241, 249, 301, 302, 305, 306.

Vladimir A. Ilyinykh

Doctor of Historical Sciences, Institute of History, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: agro_iwa@mail.ru

**PERSONAL HOUSEHOLD PLOTS OF WORKERS AND EMPLOYEES
OF SIBERIA IN THE 1930S: DYNAMICS AND DEVELOPMENT TRENDS**

Formation of a new model of agrarian system was the result of mass collectivization in the USSR. Collective farms were its organizational and production basis. The second largest sector of agriculture in terms of production potential consisted of personal household plots. They were main producers of potatoes, vegetables and milk, and a significant part of meat products. Soviet and Russian historiography has paid main attention to the study of the personal plots of collective farmers, overlooking the dynamics of personal plots of workers and employees. The author of the article reconstructs factors and trends of development of personal household plots of workers and employees in Siberia in the 1930s. It was found that in the early 1930s the size of personal plots of this category of population was minimal. State farm workers were prohibited from personal farming, and personal household plots of other categories of workers and employees were taxed at the rates of individual farmers. After the 1932–1933 mass famine, several restrictions on the development of personal household plots were canceled. Level of its taxation was decreased. Liberalization of state policy and an increasing part of workers and employees in population of the region led to a rapid growth in production potential of their personal plots. Development rate of workers and employees' personal plots was higher than that of collective farmers. In the late 1930s a campaign took place to limit the size of personal household plots. Taxation was increased. This led to decline in the personal sector of agricultural economy.

Keywords: *agrarian policy, collectivization, agriculture, personal household plots, workers and employees, Siberia*

REFERENCES

- Beznin M. A., Dimoni T. M. *Agrarnyy stroy Rossii 1930–1980-kh godov* [Agrarian system of Russia in the 1930s–1980s]. Moscow: LENAND Publ., 2014. (in Russ.).
- Denisevich M. N. *Individual'nyye khozyaystva na Urale. 1930–1985 gg.* [Individual farms in the Urals. 1930–1985]. Ekaterinburg: UrO AN SSSR Publ., 1991. (in Russ.).
- Ilyinykh V. A. [Personal household of collective farmers in the 1930s — late 1950s]. *Ocherki istorii krest'yanskogo dvora i sem'i v Zapadnoy Sibiri. Konets 1920-kh — 1980-ye gg.* [Essays on the history of the peasant household and family in Western Siberia. Late 1920s — 1980s]. Novosibirsk: izd-vo IDMI Publ., 2001, pp. 53–83. (in Russ.).
- Ilyinykh V. A. [Siberian peasantry in the 1930s: social mobility, stratification]. *Sibirskaya derevnya: problemy istorii* [Siberian village: problems of history]. Novosibirsk: Sibprint Publ., 2015, iss. 3, pp. 109–133. (in Russ.).
- Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk: Istoricheskoye naslediy Sibiri Publ., 2009, vol. 2. (in Russ.).
- Istoriya sovetskogo krest'yanstva* [History of the Soviet peasantry]. Moscow: Nauka Publ., 1986, vol. 2. (in Russ.).
- Istoriya sovetskogo krest'yanstva* [History of the Soviet peasantry]. Moscow: Nauka Publ., 1987, vol. 3. (in Russ.).
- Mazur L. N. [Household land use of collective farmers, state farm workers and townspeople in the 1930s–1980s (based on materials from the Urals)]. *Zemlevladieniye i zemlepol'zovaniye v Rossii (sotsial'no-pravovyye aspekty). Materialy XXVIII sessii Simpoziuma po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy* [Land ownership and land use in Russia (social and legal aspects). Materials of the 28th session of the Symposium on the Agrarian History of Eastern Europe]. Kaluga: KGPU im. K. E. Tsiolkovskogo Publ., 2003, pp. 366–384. (in Russ.).
- Politika raskrest'yanivaniya v Sibiri* [The policy of depeasantization in Siberia]. Novosibirsk: izd-vo IDMI Publ., 2000, iss. 1: Stages and methods of liquidation of the peasant household. 1930–1940. (in Russ.).
- Sel'skoye khozyaystvo Sibiri v XX veke: problemy razvitiya i krizisy* [Agriculture in Siberia in the 20th century: problems of development and crises]. Novosibirsk: II SO RAN Publ., 2012. (in Russ.).

Для цитирования: Ильиных В. А. Личное приусадебное хозяйство рабочих и служащих Сибири в 1930-е гг.: динамика и тенденции развития // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 144–152. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-144-152.

For citation: Ilyinykh V. A. Personal household plots of workers and employees of Siberia in the 1930s: dynamics and development trends // Ural Historical Journal, 2022, no. 3 (76), pp. 144–152. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-144-152.